

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИГЛЕСИАСА

ПРИЕЗД испанского певца Хулио ИГЛЕСИАСА в Москву всколыхнул удивляемую стилистическую публику. Удивляться этому не приходится: три десятка лет завораживающий бархатный голос испанского соловья приводит в полуобморочное состояние женщин всего мира — от нимфеток до балзаковского и дальше! — возраста. Его биография — сюжет для кино: футболист со звездным будущим, восходящая звезда мадридского «Реала», студент, грызущий камень юриспруденции в Колехио Майор де Сан-Пабло... И вдруг — страшная автокатастрофа 22 сентября 1961 года.

Два года в парализованном состоянии. Остались целыми руки — чтобы перебирать струны на гитаре, и голос — чтобы петь. Когда судьба поставила его на ноги, на них уже не было футбольных бутсов. Да и знаменитая белая майка мадридского «Реала» заняла место в шкафу.

— Хулио, вы не первый раз приезжаете в Россию. Как вам на этот раз понравилась наша публика?

— Я уже неоднократно говорил и повторю еще раз специально для вас: я приезжаю с концертами только туда, где мне нравится выступать. Сейчас я могу себе такое позволить. Русский зритель мне нравится еще и своей непредсказуемостью. Вроде бы россияне живут в теплых местах, а на концертах принимают артистов как настоящие испанцы или знойные бразильцы. Прибавьте к этому неподдельность чувств и какую-то бесхитростьность...

— Обычно звезды вашего статуса недолюбливают журналистов. Раньше вы также жаловались в прессе: «Каждый журнал или газета всецело сконцентрированы на количестве женщин, с которыми я якобы переспал... О моей музыке или моем голосе никто даже не упоминал. Весь мир как будто интересовался только моей сексуальной жизнью».

(Хотя, заметим, вы сами задали параметры своего образа.) Но в последние годы ваше отношение к журналистам сильно изменилось. Почему?

— Во-первых, я уважаю чужой труд. Я прекрасно понимаю, что для журналистов я не просто певец, я — источник их заработка. Поэтому стараюсь не раздражаться, даже когда меня буквально «достаю» одними и теми же вопросами. Во-вторых, общение с прессой — часть моей работы, и она не менее важна, чем моя работа на сцене или в студии. Ну и, конечно, я отношусь к журналистам хорошо еще и потому, что хочу вызвать у них адекватную реакцию на себя. На улыбку надо отвечать только улыбкой! Не правда ли?

— С вами трудно не согласиться, и все-таки, тем не менее, вы часто становитесь героем желтой прессы.

— На желтую прессу реагировать бесполезно. Она живет по своим правилам: без скандала и сенсаций ей не прожить! Я приветствую безбидные шалости, но если дело касается чего-либо более серьезного, всегда могу ответить вполне адекватно.

— Если честно, вы сознательно сами даете пищу для бульварной прессы?

— А кто из нас без греха? Хотя если назвать любовь грехом... тогда пусть я останусь грешником! Я слишком сильно люблю жизнь. У меня еще много сил — так что мне рановато успокаиваться. Если вы заметили, я пользуюсь словами преувели-

Зато фестивальные эстрады мира трепетали от его голоса. Один из его первых хитов назывался «Ради женской любви». Он стал поистине эпиграфом ко всему песенному творчеству смелого испанца. О, он был и остается великим поклонником и ценителем женской красоты. Причем в свои пятьдесят с хвостиком лет не стесняется признаться в том, что по-прежнему нередко захаживает в ночные клубы полюбоваться на красоток.

Нужно ли удивляться тому, что билеты на московское выступление испанского соловья были раскуплены стремглав. Газеты наперебой обсуждали его голос («не вытягивает кое-какие ноты»), замечали, что певец поворачивается к публике исключительно правой стороной (после страшной аварии на левой щеке певца остался шрам, не скрываемый ни загаром, ни гримом), явили по поводу интимного шепота в некоторых песнях, который призван был

ценного содержания, чтобы выразить свое душевное и физическое состояние.

— Вы хорошо выглядите!

— Прибавьте еще: «Для своих лет!» Это повод для ссоры. Честно, без дураков, я очень хорошо себя чувствую, максимум на 25 лет! Через прессу меня любят уведомлять о моем возрасте. Я не скрываю: в самом деле мне 54 года. Но я точно знаю, что женщины любят меня отнюдь не за то, что я богат и популярен! Это я знаю доподлинно.

Он привык к неистязаемому потоку женщин вокруг себя. О его фанатках ходят легенды. Одна гласит, что некая японка всякий раз покупала билет первого класса на самолет, которым летел ее кумир. Уже стало притчей во языцех: там, где Хулио Иглесиас, без блондинок не обходится! Почему?

Его лицо — даже в хмурые дни — всегда покрыто бронзовым загаром. Он не пользуется никакими одеколонами, чтобы — по его собственному выражению — издавать животный запах и пахнуть самим собою и женщинами. Испанец, он одет так, что его можно принять за итальянца: кожаная куртка цвета топленого масла, просторные брюки, белая рубашка и кашемировый шарф. Фотографы всего мира знают, что кумира нельзя фотографировать с левой стороны. Стоит сделать такую попытку — и смельчак-напарник окажется не без помощи одного из 22 телохранителей певца в воде бассейна.

«Не хочу развеивать иллюзии тех, кто заблуждается вокруг себя», — объясняет сам кумир свою «левостороннюю» прихоть. Между прочим, однажды во время обеда в Белом доме он долго размышлял, кому из президентской пары предоставить место слева от себя, а кому справа. В конце концов решил посадить супруга — Рональда Рейгана — как более важную персону — слева... Но и эта обратная сторона Луны... простите, медали не мешают всем женщинам мира считать его живым воплощением настоящего испанского мужчины, классическим любовником, легендой Любви.

И он поддерживает это мнение.

Его успех у женщин — загадка. Школьный товарищ певца вспоминал о том, что подросток Хулио не был красавцем, но во время футбольных матчей

(а он стоял на воротах) все девчонки из соседнего монастыря Святой Анны приходили болеть за него. Создается впечатление, что во всем, что касается секса, Хулио Иглесиас стремился говорить журналистам и миру то, что от него ожидали, а не правду. Так, однажды он обмолвился, что имел связь с 3 000 женщин. Его тогдашний пресс-секретарь вынужден был поправить своего шефа: мол, «эта цифра была Хулио придумана не без помощи бухгалтера...»

Список открывает некая французская, открывшая Хулио бездны любви, когда тому было уже за двадцать. Потом появилась Гвендолин Боллор, с которой будущий певец учился на одном курсе в Кембридже. Она унаследовала белокурые волосы, серые глаза и высокие скулы славянки от матери — русской княгини Бороченко. После размолвки со своей первой любовью осталась песня, в название которой он поставил имя возлюбленной. Песня завоевала эфир и мир и в 1970 году на конкурсе Евровидения в Амстердаме проиграла только ирландской песне «Все возможно» Даны.

Долгое время послужной список певца возглавляла фотомодель Вирджиния Силл (чья прабабка была баронессой фон Пфайфер при Русском дворе). Впрочем, имя Иглесиаса давно стали связывать с каждой топ-моделью, киноактрисой или любой красоткой, оказавшейся на расстоянии 50 футов от певца.

В разное время имя певца связывали с такими красавицами, как Бьянка Джаггер, бывшая «Мисс Великобритания» Каролайн Сиворд, киноактриса Брук Шилдс (едва последняя согласилась сняться в клипе для испанского альбома певца «Корни», как молва сообщила, что певец просил ее руки у матери кинозвезды), фотомодель Джаннина Фачио... Стоило ему спеть дуэтом песню «Все ты» с Дайаной Росс, как пресса связала их судьбы в одну. Между прочим, на фотосъемках ни один из влюбленных упорно не хотел фотографироваться левой стороной и получились на снимке смотрящими в одном направлении... В своих воспоминаниях Хулио рассказывает, как он пытался обольстить Присиллу Пресли (хотя, по словам самой вдовы Элвиса Пресли, их общение было спровоцировано рекламной командой Иглесиаса, сообщавшей в прессе о том, как она отчаянно хочет выйти

замуж за рокового испанца и «как собака, ждет его в аэропортах»). В этом списке есть и семнадцатилетняя тагянкантанцовщица Вайтиар Хирион, подавшаяся на крючок мифа о Хулио, краугольным камнем которого была репутация неотразимого любовника. Пока сам герой хвастался журналистам: «Я обычный тощий парень в тренировочных брюках...», — женщины всего мира не просто покупали его пластинки — они покупали грезы.

— В прежние годы девушки бывшего Советского Союза мечтали выйти замуж за иностранца, которые казались им сказочными принцами...

Как интересно! Наверное (смею надеяться!), они мечтали выйти замуж и за темпераментного испанца? Слава Богу, что у вас сейчас происходят такие перемены: русские получили возможность путешествовать, выбирать себе спутников жизни, а не только о них мечтать. Я хотел бы пожелать русским женщинам только любви. У меня была возможность внимательно рассмотреть русских женщин. Поверьте человеку с большим опытом: они действительно все красавицы! Гордые и не надменные...

— У читателей и читательниц нашей беседы может сложиться впечатление, что мы беседуем с Казановой. Как вы, кстати, к нему относитесь?

— Хороший был человек! (Здесь господин Иглесиас стал озирается по сторонам). Вот только бы это не услышала моя жена.

— Кстати, как ваша молодая жена относится к вашим многочисленным поклонникам?

— Она знала, за кого выходила замуж. Миранда — потрясающая женщина. Она многое понимает — и ко многому относится снисходительно. Но, естественно, у всего есть предел!.. Я ее очень ценю и дорожу ею. После того как она стала матерью моих детей, она особенно расцвела, хотя у нее появилась очень трудная работа мамы. И я стараюсь, если есть такая возможность, с Мирандой расставаться как можно реже.

ЕГО первой женой была Изабель Прейслер — девушка с загадочными шоколадными глазами, осанкой принцессы, экзотической восточной внешностью и веселым характером семнадцатилетних испанок. После рождения второго ребенка она тут же зачала третьего и пожаловалась свекру: «Если Хулио будет продол-

ет, что сам он спит всего по два часа в сутки. Ответ с намеком: любвеобильность седеющего маэстро — притча во языцех.

Он неоднократно заявлял в прессе, что отдыхает лишь тогда, когда занимается любовью, и такого рода отдых составляет его рацион три раза на дню. К тому же «лирические» подвиги певца — постоянный хлеб желтой хроники.

Видимо, поэтому, поддерживая репутацию неискоренимого Казановы, во время московского концерта Хулио Иглесиас целовал руку каждой вылетевшей к сцене фанатке и... просил телефончик. Причем интимная просьба делалась не приличествующим ситуации интимным шепотом, а напротив — в микрофон!

Думается, наши читатели с интересом прочитают эксклюзивное интервью, данное певцом «Книжному обозрению».

жать в том же духе, я буду беременеть вечно». Впрочем, родами третьего сына Энрике все дело кончилось.

Женитьба не помешала певцу завести связь с молодой португалкой Марией Эдитой Санчес, танцевавшей на шикарном курорте. «Хулио называл меня Португезина, — вспоминает Мария. — Он всегда был само очарование. Он был чудесный любовник... Любовью он занимался с полной самоотдачей и без тени эгоизма...» По ее словам, в 1976 году она родила от Хулио сына Хавьера, которого представила отцу через 14 лет и которого певец не признал. Отец певца мудро прокомментировал: «Если каждая дама, спавшая с моим сыном, заявит о том, что имеет от него ребенка, то таких может набраться до трех тысяч...» Так певцу пришлось расплачиваться за опрометчивое заявление, что он занимался любовью в 71 стране. (Кстати, предполагаемый сын Хулио — Хавьер пошел по стопам отца и записал пластинку «Я, как ты»). В начале 90-х он познакомился с красивой голландской манекенщицей Мирандой Ринсбургер, которой было 26 лет. Это его последний брак. Его положительно оценил и отец певца — доктор Иглесиас: «Она такая сообразительная, эта Миранда. Гораздо сообразительнее всех остальных».

— Во время своих гастролей в Москве вы встречались с мэром столицы Юрием Лужковым. Почему у вас состоялась встреча именно с московским градоначальником, а не с кем-то еще из политических деятелей России?

— Во-первых, мне очень нравится Москва. В мой первый приезд она показалась мне какой-то черно-белой. Но с каждым приездом вижу, как она меняется в лучшую сторону. Во-вторых, мне хотелось познакомиться с человеком, у которого в советниках по культуре находится такой замечательный человек, как Иосиф Кобзон.

— В России г-на Кобзона порой сравнивают с Фрэнком Синатрой — как в хорошем смысле, так и по части слухов и двусмысленной славы.

— Сравнение замечательное! Если Кобзон — русский Синатра, вам можно только позавидовать. А что касается дурной славы, то поверьте, Синатра ушел из жизни — в людской памяти остался Великий Человек. Самое главное в жизни — что остается после нас. Наде-

Хулио Иглесиас

751